

Д. И. Фонвизин.

Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях

Оригинал находится здесь: [Поэзия Московского Университета от Ломоносова и до ...](#)

<...> Остаётся мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе. Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чём оно состояло: учитель наш пришёл в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивлённый сею странностию, спросил я учителя о причине. "Пуговицы мои вам кажутся смешны, - говорил он, - но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, - продолжал он, ударяя по столу рукою, - извольте слушать всё, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжениями поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете". Вот какой был экзамен наш! О вы, родители, восхищающиеся часто чтением газет, видя в них имена детей ваших, получивших за прилежность свою преи́сы [награды (нем.)], послушайте, за что я медаль получил. Тогдашний наш инспектор покровительствовал одного немца, который принят был учителем географии. Учеников у него было только трое. Но как учитель наш был тупее прежнего, латинского, то пришёл на экзамен с полным партищем пуговиц, и мы, следовательно, экзаменованы были без всякого приготовления. Товарищ мой спрошен был: куда течёт Волга? В Чёрное море, - отвечал он; спросили о том же другого моего товарища; в Белое, - отвечал тот; сей же самый вопрос сделан был мне; не знаю, - сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужил бы её из класса практического нравоучения, но отнюдь не из географического. <...>

Склонность моя к писанию являлась ещё в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста. Глас совести велит мне сказать, что сего дня от юности моя мнози борят мя страсти.

А какие они были, то возвестит книга вторая...

В университете был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить Голберговы басни; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей. Сие подало мне надежду иметь со временем нужные книги за одни мои труды <...>

В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причиною тому была ребяческая леность, а с другой - нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков, но голову имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо.

В сие время тогдашний наш директор [И.И.Мелиссино] вздумал ехать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета [И.И.Шувалову] плодов сего училища. Я не знаю, каким образом попал я и брат мой в сие число избранных учеников. Директор с своею супругою и человек десять нас, малолетних, отправились в Петербург зимою. Сие путешествие было для меня первое и, следовательно, трудное, так, как и для всех моих товарищей; но благодарное обязывает меня к признанию, что тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими; и мы с братом, приехав в Петербург, стали в доме родного дяди нашего. Он имеет характер весьма кроткий, и можно с достоверностью сказать, что во всю жизнь свою с намерением никого не только делом, ниже словом не обидел.

Чрез несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвёл к человеку, которого вид обратил на себя почтительное моё внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? "По-латыни", - отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием. После обеда в тот же день были мы во дворце на куртаге; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивлён был великолепием двора нашей